

ского называют турки) или с царем московским, тогда истиину глаголю, что абие уже надходит падение государства турского, то есть отоманского. Заклинаю тогда сына своего и везиров его, и всех наследников отоманских, дабы никогда с саблями своими против народу польского возноситься не дерзали, аще восхотят, чтоб то государство нерушимо долго пребывало». Сей тогда есть разум духовного письма салтан Сулеймана, салтана турского, которое и по се время соблюдают в казне константинопольской, еже салтан Селим, сын Сулейманов, даже до смерти своея постоянно хранил, содержа нерушимо перемирье с народом польским. Последи же салтан Мурат, учал сомневатися о том духовном письме сказывая, яко сие Сулейман, дед его, учинил жены || своея ради (яже бе от рода российскийскаго дщерь священника из Рогатына). И как скоро седе на государство, помыслил воздвигнути войну на христиан. И иные все везиры и паши советовали ему, чтобы прежде на Польшу войну начал. И сказали оному вси имянно чауши, которые часто в Польше бывали, что все государство польское в един год овладеет, толко забавит Камень и Львов, а по сем и обо всем христианстве покуситися и овладети может.

Махмет-паша понеже в то время еще жив был, которому Сулейман-салтан отдал духовную свою к сохранению, имея первой чин или везирство у деда и у сына, и у него тогда велел из казны оное духовное письмо принести, деда его салтана Сулеймана, и, прочетши оное пространными словы, сие к разсуждению приводил, дабы мимо, пуцая Польшу, шел со всею силою в⁶ венгерскую и немецкие земли. Но между сим господь-бог устроил иную жертву, возбудил персидского шаха и некоторых аравитцких князей, на которых оную силу против христиан изготовленную на арапы и персиды обратити принужден. В то же время, будучи он в частых болезнях и не могучи сам на войну ехать, || возлюбил отчасти астрологию, и призва себе от Египта, из Александрии, из Дамаска и из иных государств наученых звездословцев, иже его учашу художества того, чтоще ему о том часто кратко. Услышав же о сем, един астролог, Мустаеддын прозвищем нарицаемый, человек зело учен и искусен в том художестве, поехал с купцы перскими в Константинополь, и наняв себе избу в Скугаре-граде, иже древле наречен быше Халкидом, положением сопровтив Константинополя над самым морем, иде же поживе неколико недель. О нем же, егда салтан турской Мурат ведомость восприят, повеле его призвати к себе и вопросы его, аще лутче научен есть в художестве.

«Болии аз есмь мастер, нежели твои астрологи, однако же, еже умею покажу, и они по тому же что умеют да покажут. Ты же, аки премудрый государь, удобно, что бело и что черно, разсудити можешь».

Вопроша же его салтан Мурат: «Мустаеддын, можешь ли ми впредь-будущая сказати или ни?». Отвещал: «Аще ли то бог дал лекарю, яко художеством своим познавает по лицу человека смертнаго, вельми множае дал бог тем, иже о небесных спрашиваются вещей и во оных ся обучивают. Господь-бог да сотворяет салтану, государю моему, изо всякого дня тысящу дней по долгое житие. Божию помощию можно ми есть сим учением небесным || сказати будущая, точию бы когда бых имел какое место и особливо вертоград на высококом месте со орудии звездочетными». Велел ему салтан дать вся, яже к тому потребна суть, придав ему и казначея с колико десят тысящами червонных золотых. Он же, переехав чрез море на ту сторону, усмотрел себе изрядное место

⁶ Испр.; в ркп. отсутствует.